

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ: СТАТУС. АСПЕКТЫ

Алхасова Светлана Михайловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), al khas55@mail.ru

Актуальность анализируемого литературного материала определяется ее спецификой: кабардинская поэзия переживает очередной всплеск талантливой женской поэзии. В постсоветской кабардинской литературе само время стало побуждать к тому, чтобы расширить историко-культурный и этнокультурный контекст в инновационном развитии литературного процесса.

Целью данной статьи является рассмотрение этноспецифики современной кабардинской женской поэзии, определяемой особенностями национальной литературы, не ограниченной строго узкими рамками. В адыгских литературах – прозе и поэзии – развитие шло далеко не плавно и поступательно, оно воплощалось в периодических подъемах национального бытия и культуры в условиях кризиса. Говоря об этнокультурных традициях в современной кабардинской женской поэзии, как комплексе уникального самобытного облика, отмечается, что на волне современных общественных преобразований интерес к реабилитации национально-духовных традиций и ценностей в кабардинской литературе оживился, в том числе, и в женской поэзии.

Статья содержит тенденции и новейшие теоретические выводы, касающиеся современной кабардинской женской поэзии, представленной такими авторами, как Хайшат Кунжиева, Асият Кармова, Люба Балагова и др.

Ключевые слова: Литературоведение, женская поэзия, художественное мышление, национальные рамки, литературная детерминация.

Поиск теоретических основ семантики отношений «женской» и «мужской» поэзии является достаточно актуальной задачей. Решение этой проблемы будет способствовать не только прояснению их функций и соотношений между данными видами поэзии, но открывает перспективы дальнейших разработок некоторых теоретико-онтологических понятий литературоведения.

О женской и мужской поэзии споры в литературном и научном мире идут давно. Данный вопрос не является до конца разработанной концепцией. Если разделить такие понятия как объект (поэзия) и субъект (поэт или поэтесса), то, каково отношение самих авторов к такой градации? В данном случае субъекты нашей модели совершенно по-разному соотносятся с объектом, находящимся в поле зрения нашего исследования. Их пути решения расходятся. К примеру, кабардинская поэтесса Люба Балагова, автор романа в стихах «Царская любовь»¹, основанного на исторических фактах, категорически отрицает существование женской поэзии как таковой и считает себя просто поэтом. Само слово «поэтесса» ей чуждо изначально. Она тверда во мнении: женской поэзии не существует.

Обратимся к основной составляющей стиха – рифме. Как известно, в литературоведении существуют понятия женской рифмы и мужской рифмы. При создании женской рифмы ударение рифмуемых слов падает на предпоследний слог.

Существует понятие «мужская рифма», когда ударение падает на последний слог. Многие поэтессы пишут стихи, порой используя мужскую рифму. Но случается, что и мужчины-поэты в своих произведениях используют женскую рифму.

Наши исследования подтверждают, что сущность женской рифмы состоит еще и в том, что слог в «женской» поэзии строится иначе, чем в «мужских» стихах. В «мужских» стихах – своя мужская логика и романтика, и влюбленность, чем в женских. Кроме того, мужчины пишут более жестко и прагматично, по – мужски. Аналогично, в женских стихах – своё понимание сущего: женское ощущение любви и романтики, чисто женские (гендерные) переживания чувства счастья, своя женская стыдливость и т.д.

В кабардинской поэзии наблюдаем целую плеяду женщин – поэтесс с ярко выраженной женской индивидуальностью: Хайшат Кунижева, Фуза Бештокова, Муза Тлостанова, Асият Кармова, Людмила Хавжокова, Белла Аброкова, Зарина Канукова, Зарема Куготова, Люда Загаштокова, Радима Нагоева и другие. Например, Хайшат Кунижева относится к плеяде талантливых поэтесс, вошедших в кабардинскую литературу в 70-х годах. Даже названия сборников ее стихов говорят сами за себя: в них заметно проявляется чисто женское начало: «Журавлиный путь»². «Картины жизни»³, «Горсть солнца»⁴, «Поле души»⁵ («Псэм и губгъуз»), «Удод»⁶.

Она обладает свойственной только ей женской оригинальностью, искренностью, когда передает читателю своё ощущение окружающего мира. Тематика стихов Х. Кунижевой разнообразна. В лирических стихах она воспевает родную землю, своё отечество. По-особому проникновенны её стихи, когда она пишет о родителях. Но ценность поэзии Хайшат Кунижевой вовсе не в разнообразии тем или их обширности. Ценность их в том, каким сугубо новым, личностным, особым мировидением она может передать своё женское мироощущение. Мысли и чувства, содержащиеся в поэзии Х. Кунижевой, светлы, глубоки и сдержанны: у поэтессы проникновенный и острый взгляд. Она беспокойна, её душа и сердце в вечном смятении. По ее мнению, пустое слово подобно пустому кувшину. Она и не берется судить о незначительных вещах, или о том, в чем сама не сведуща. В то же время она не скрывает своих сомнений от читателя, все её желания и помыслы обнажены, очевидны.

В поздних стихах Х. Кунижевой появляются более глубокие философские темы. Например, тема женского одиночества и одинокой старости. Простые и искренние слова: ведь нет ничего страшнее одинокой старости, не вызывающей жалости ни у кого. Х. Кунижева сумела привнести в кабардинскую женскую поэзию новое слово.

Яркой звездой блеснула на женском поэтическом небосклоне молодая кабардинская поэтесса Асият Кармова. Она пишет на двух языках: на родном и на русском. Ее поэзия – это искренние и возвышенные стихи, исполненные женским обаянием, открытостью и искренностью.

Подборкой стихов «И кЫхьагъыр зы гьащІэ КъызофыкІ гупщІэуз» («Длиною в жизнь моя боль души»), опубликованной в журнале «Іуащхьэмахуэ» («Эльбрус» № 2016), А. Кармова удивила читателей необычным, тончайшим владением искусством поэтического слова, чутким, подсознательным созерцанием тайн души, доступных лишь художнику-творцу. В её стихах имеются элементы модернизма, мистификации и сакральности, так редко встречающиеся в кабардинской поэзии. Здесь можно сослаться на ярких представительниц русской женской поэзии прошлого: Анну Ахматову и Марину Цветаеву.

А. Кармова, представляя современную женскую поэзию, создала новую философию культуры. При внешних проявлениях элитарности А. Кармова сумела на практике наполнить стихи новой художественной формой и содержательностью. Ни у одной из кабардинских поэтесс женская проникновенность и искренность не достигали такой высоты, как у Асият Кармовой:

И когда ты уходил на дно
Варева безвестнейшей пучины,
Я пыталась вычерпать крылом
Белым бездну жесточайшей тины;
Так, чтобы меж илистых глубин
Задрожал смычок, терзая струны,-
Так, чтобы из смертных – ты один
Был утешен звуком моей лиры⁷.

Женская искренность как нельзя лучше чувствуется в этом стихотворении: «Ты помнишь, в середине лета...». Новый, ранее не известный в кабардинской поэзии образ змеи, змеиных глаз, змеиных голов, вдруг гроздьями рвущихся из мужской груди, приближают стихи к модернистским течениям, придавая им современные краски и современное звучание. В них присутствует интуитивное сощрацание тайных смыслов, сверх рациональная чуткость художника.

Уощ!эж ар ф!ыгуэ, макъуэагуэу,
Къуейщ!ейм, зэ блащхъуэ къысхуэпхъат,
Зысхуээф!ишрэ зишыхъыжу...
Сыщ!ащхъуэк!ийуэ сыкъэщтат!...

.....
Уи бгэгущталгэ зэщ!ыбох,
Умыгушы!э – умыджэгуу,
Блащхъуэ !эрамэ къызыкъуох...
Мытхытх си щ!ыфэ – си фи пык!къым –
Къызгуры!уат! Къэсц!ыхужат!
А блащхъуэ егъум и нэ цыщхъухэр
Уи нэ вагъуит!у къы!уплъат...⁸

.....
Ты помнишь, в середине лета, шутя,
Змею гремучую принес мне,
Та вывернулась предо мной, затем свернулась...
Испуганной ласточкой я закричала!
Не раз потом сквозь мои сны, проглядывали холодные змеиные глаза,
Мне душу трепетную леденя...
Не видя в том примет особых,
Мы часто весело смеялись, об этом вспоминая...
Ночным охотником, пройдя сквозь годы
Явился ты вдруг смуглый, говорливый
Приняв тебя за того, в чьих я мечтах,
Распахиваю радостно перед тобою двери...
Полна доверия, к тебе тянусь,
Но не шутя и не играя,
Распахиваешь грудь свою,
Открывая предо мною множество змеиных голов...
Не содрогнулась я, не побледнела –
Я поняла! Узнала я!
Эти змеиные синюшные глаза
Твоими холодными глазами на меня смотрели.

(Подстрочный перевод наш. – С.А.).

Образ гремучей змеи – «блащхъуэ» – присутствует и в других стихах Кармо-вой. На русский язык «блащхъуэ» буквально переводится, как «синяя», «синюш-ная змея». Но в русском языке «синий» имеет романтическую окраску, далеко не негативный оттенок, как в кабардинском. Поэтому ближе к смыслу на кабардин-ском – «гремучая» змея. Вот стихотворение «Псит!ым зэдахъ хъэзабыр» – «Стра-дания двух душ»:

Псынэу сыкъыщигъэщІым
МафІэу зыкъепщІэкІащ,
Блащхъуэ зыныщыпхуэщІым –
Бгъащхъуэу укыщІэкІащ...

Когда обернулся ты родником –
Огнем вокруг тебя я обвилась,
Когда змеей гремучей пред тобой я обернулась,
Ты синим вороном передо мною взвился...

(Подстрочный перевод наш. – С.А.).

В этом стихотворении мы находим отголоски фольклорных жанров и фольклорных образов. Формально можно уловить не только особенности народной поэзии, ее душевный настрой. Главный элемент этого настроения – одушевление природы. В фрагменте стихотворения, написанного молодой поэтессой, ясно видно, какими путями идет освоение фольклорных приемов. Одушевление природных явлений рождает у поэтессы новые образы, гораздо более сложные и отражающие индивидуальное поэтическое видение. Освоение фольклорных приемов мы видим и в другом замечательном стихотворении: «Я – речная Нимфа (Богиня), / Всем богиням я соперница».

Как завораживающий поток словесно-музыкальных созвучий, в оригинале являются народные образы всадника, седлающего богатырского коня, ребра гигантской рыбы, бурного потока, у которого слагает свои плачи красавица, для которой нет на всей земле «лагъунэ» (комнаты для невесты)... В стихотворении слышен ритм народной адыгской песни. При этом образы здесь более сложные, чем в народной песне, так как отражают не только коллективное, но и индивидуальное поэтическое видение. Таких образов в поэзии А. Кармовой множество. Часто она использует прием психологического параллелизма, характерный для народной поэзии. Но и здесь она стремится найти параллели. Она часто обращается к лирическим народным песням. Фольклор помогает поэтессе отразить народный характер мировосприятия, передать образ мыслей народа, его чувства и настроения.

Асият Кармовой, без преувеличения, удается придать женскому поэтическому слову и на кабардинском, и на русском языке подвижность и многозначность, в слове она открывает дополнительные оттенки и грани смысла. Самовыражение поэтессы обретает в её лирических стихах масштабность и глубину личности автора. Ей доступна вся полнота выражения сложнейших чувств и проблем бытия.

Таким образом, детерминация женской поэзии является одной из форм отражения современной кабардино-черкесской литературы, которая конкретизирует и характеризует ее уникальность.

Примечания

1. Люба Балагова. Царская любовь. Роман-поэма. М.: Общество дружбы и развития сотрудничества с зарубежными странами. 2007.
2. Кунижева Хайшат. Журавлиный путь (Къру гъуэгу). Стихи и поэмы. Нальчик: Эльбрус, 1984.
3. Кунижева Хайшат. Картины жизни. Стихи. Нальчик: Эльбрус, 1991.
4. Кунижева Хайшат. Горсть солнца. Стихи. Нальчик: Эльбрус, 1993.
5. Поле души (псэм и губгъуэ). Стихи. Нальчик, 1998.
6. Удод (Хьарэхьуп). Стихи для детей. Нальчик: Эльбрус, 1996.
7. Къармэ Іэсият. АдрыщІ ныджэ (Кармова Асият. По ту сторону берега). Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т», 2018.
8. Къармэ Іэсият. АдрыщІ ныджэ (Кармова Асият. По ту сторону берега). Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т», 2018. С. 84, 170.

ETHNO-CULTURAL SPECIFICITY OF CONTEMPORARY WOMEN'S POETRY

Alkhasova Svetlana Mikhailovna, Doctor of Philology, Leading researcher of the Department of the Kabardino-Cherkess literature of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «KabardianBalkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), alkhas55@mail.ru

The analyzed literary material is determined by the specifics of the time, not limited to the narrow framework and continuing at the present time. In the Adyghe literature-prose and poetry-the development was not smooth and progressive, it was embodied in the periodic rise of national life and culture in crisis. Speaking about ethno-cultural traditions in modern Kabardian poetry, as a complex of unique original appearance, it should also be noted that in the Wake of modern social transformations, interest in the rehabilitation of national and spiritual traditions and values in Kabardian literature revived, including in Kabardian poetry.

The article contains some of the latest trends and theoretical conclusions concerning modern Kabardian poetry, represented mainly by women. The literary process considered in the article covers the period from the 70s of the last century to the present.

In the post-Soviet Kabardian literature, after the well-known events of the early 90s, the time itself began to encourage to expand the historical, cultural and ethno-cultural context in the innovative development of the literary process, and especially modern poetry.

Considering in detail the modern Kabardian poetry, the author asks the question: does female poetry really exist? And what does the term “female poetry” mean? What features characterize it? What is its specificity.

For analysis, the author refers to three Kabardian poets, examines their work in detail, highlighting in their poems the features inherent in women's poetry.

Keywords: Literary criticism, artistic thinking, national framework, the latest theoretical and methodological positions.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-112-116